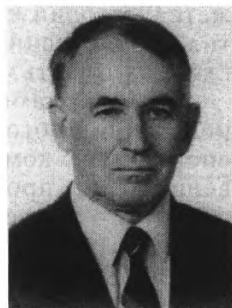

БЫЛОЕ

С. С. Алексеев

ГОРБАЧЕВ И ЕЛЬЦИН

Торжество и драма

Время скоротечно, безжалостно. Пройдет не так уж много лет, и поступки, сегодняшние оценки М. Горбачева и Б. Ельцина неминуемо поблекнут, начнут стираться из памяти людей, окажутся в чем-то пустячными, неинтересными, недостойными внимания или, хуже того, искаженными мифами, болезненным восприятием прошлого и настоящего, обусловленным политическими и иными пристрастиями. Однако есть, на мой взгляд, в сложных взаимоотношениях М. Горбачева и Б. Ельцина нечто такое, что должно остаться в Истории. Остаться как память, как урок, как предостережение и повод для раздумий.

Наверное, никому не дано очень уж хорошо, в подробностях, в мельчайших деталях знать М. Горбачева и Б. Ельцина, их непростую, полную превратностей, взлетов и падений жизнь. Тем не менее случилось так, что какие-то эпизоды их жизни, пусть в основном и во внешних, частных своих проявлениях, но, вероятно, в наиболее драматических поворотах и изломах, прошли на моих глазах, на глазах человека, видевшего все это вблизи и в то же время с немалой дистанции. Причем именно тогда и при таких обстоятельствах, когда драма этих людей наложилась на драму всей страны, гигантской державы — Советского Союза, а потом и России. И не только наложилась, но и прошла через их жизнь, судьбу.

В одной команде

1985 год Борис Николаевич Ельцин встретил на Урале, в Свердловске (ныне — Екатеринбург), будучи первым секретарем обкома КПСС, полным и безграничным властителем крупной, могучей уральской области. Популярность его в области, да и на всем Урале была довольно высокой. И дело не только в том, что

«первый» стремительно и круто осуществил в области серию впечатляющих акций (о них я еще скажу), во многом он стал известным благодаря нетрадиционным поступкам. Скажем, провел многочасовую встречу с колюче настроенными студентами, закончившуюся шумной студенческой овацией; поднял всю область на спасение урожая в невероятно тяжелых условиях дождливой уральской осени...

Хозяин, трибун, Борис Николаевич мощно шел к высоким ступеням Большой Власти. И именно в таком ключе (и сразу замечу – без особого осуждения со стороны земляков, ибо все верно: кому же еще?) были восприняты с напором проведенные Борисом Николаевичем, кажется, за один какой-то год яркие по меркам того времени мероприятия, явно рассчитанные на то, чтобы произвести впечатление на общество, на Власть, прежде всего, понятно, московскую, на ЦК.

Шумной кампанией сопровождалось возведение МЖК – молодежного жилищного комплекса, затем – образцового сельского культурно-спортивного комплекса в дачной зоне города. Тут же – всесоюзное совещание по производству промышленными предприятиями товаров народного потребления с броской выставкой, с выездами участников, партийных коллег, в пригородные места отдыха; асфальтовая магистраль на север области; напористая пропаганда очередной спасительной панацеи – «советского опыта коллективной ответственности», когда за прогул, иную дисциплинарную провинность кого-либо из членов несла ответственность бригада в целом – вся она лишалась премии...

Производили впечатление и крупная фигура Бориса Николаевича, стиль его поведения, его стремительность – в речах, поступках, даже в походке, в том, как он вбегал на трибуну, и – как ни странно – властная отчужденность, отстраненность, и оттого, наверное, неизбежное одиночество (несколько лет спустя в Париже, где я был в служебной командировке, предшественник Б. Ельцина на обкомовском посту, в ту пору советский посол во Франции, Я. Рябов сетовал: в Москве все свердловчане – одно землячество, а Ельцин держится особняком, ни с кем не общается, сам по себе; хотя, судя по печати, со своими однокашниками по институту встречается ежегодно).

Запомнилось мое первое зрительное впечатление о нем: в холле областной спецбольницы, где я ожидал приема, вдруг все замерли: по коридору, не глядя ни на кого, стремительно, в окружении нескольких сотрудников и врачей двигался крупный человек. Сидящая рядом сотрудница обкома, вскочив с места, громко крикнула вслед: «Борис Николаевич!» Он приостановился, прищурился, всматриваясь, кто это, и поднятой рукой властно остановил уже было обращенные к нему слова: «Потом!»

Власть была чем-то от его исконной природы, и это позволило мгновенно воспринять нужный образ поведения, казавшуюся теперь естественной привычку быть лидером (он сам в автобиографических заметках, помнится, говорит об этом). Потому-то, наверное, область сразу же приняла Ельцина как «первого», хотя до того он и не был очень известен землякам, ведал строительными делами и пост высокий занял, перескочив, вопреки сложившейся традиции, через одну или даже несколько ступенек: в строгой партийной иерархии области он занимал не вторую, а, кажется, всего лишь четвертую или пятую позицию.

Теперь же крепло ощущение, что пост «первого» для Бориса Николаевича не предел. Ожидалось, как нечто вполне оправданное, сообразующееся со временем и партийными законами, его явно скорое продвижение вверх – если угодно, новый, уже подготовленный прыжок в верхние эшелоны правящей партийной элиты. Тем более что и наверху его будто бы уже ждали: крайняя нужда в молодых напористых деятелях в самой сердцевине московской власти была в ту пору довольно острой.

В этой связи настала пора начать разговор о Михаиле Сергеевиче Горбачеве.

Его приход на самую вершину партийной власти в начале 1985 года был воспринят в стране как нечто радостное, наконец-то сбывшееся. Особо обрадовало сограждан многократно показанное телевидением первое появление лидера на народе (кажется, впервые – в Ленинграде): молодой, интеллигентный, с хорошей речью, открытый. Прощалось даже то, что на внезапных встречах на улице попадалась почему-то уж очень подготовленная к такой встрече публика, однообразно реагирующая на вопросы и довольно пространственные политические экспромты партийного лидера: «Спасибо, Михаил Сергеевич!», «Поддерживаем, Михаил Сергеевич!»

Нашли одобрение первые шаги и заявления «генерального» – ускорение социально-экономического развития на основе новой техники, форсирование машиностроения, привлечение широких масс к управлению. Очень доброе дело – возвращение А. Сахарова в Москву. Даже антиалкогольные меры во всей их многоликости (ныне дружно осуждаемые) представлялись оправданными – конец пьяной России.

И, конечно же, добрый знак – сколачивание новой команды. Один за другим к руководству, в политбюро приходят если не совсем новые, то, во всяком случае, не из застоявшейся стариковской обоймы деятели: Н. Рыжков, Е. Лигачев, А. Лукьянов – возмужавшие, набравшие силу постбрежневские партийные полковники, как правило, из руководителей отделов ЦК и обкомовских «первых».

В 1986 году Б. Ельцин был вызван в Москву и на ближайшем пленуме назначен секретарем ЦК, т. е. вошел в состав партийной элиты, наиболее приближенной к высшему ареопагу – политбюро.

Любопытная деталь: выступления Бориса Николаевича на проходивших пленумах ЦК (и это еще одно звено в череде совершаемых им акций) были одними из самых заметных. Он к ним тщательно готовился. А как раз в то время автор этих строк совместно с В. Яковлевым, моим сотоварищем по разработке экономико-правовых проблем, подогретые романтикой наступающих перемен, подготовили записку в ЦК о необходимости максимального использования в народном хозяйстве товарно-рыночных институтов (что явно уже назрело, просилось в жизнь, но резко противоречило тогдашней официальной идеологии и даже не обозначалось нынешними «чистыми рыночниками»). Попытки прямую передать записку в ЦК не увенчались успехом. И тогда мы решили направить ее через обком.

Наши идеи пришлись по душе Борису Николаевичу (знаменательный штрих!), и записка стала обкомовскими спичрайтерами перераба-

тиваться во фрагмент выступления «первого» на очередном пленуме (что в интересах дела было неплохим вариантом). Кстати сказать, уже здесь, проявилась одна из отличительных черт Б. Ельцина – схватывать налету новые идеи, и не потому, что они согласовывались с его мировоззренческой концепцией (таковой – даже меняющейся – у него, по моим представлениям, не было), а потому, что в данный момент они представлялись передовыми и впечатляли.

Но на этом пленуме речь «первого» не состоялась; вместо нее произошло его крещение – приобщение к высшей партийной элите. А ведь прозвучи она – парадокс? неудача? знак? – и Б. Ельцин мог бы стать основоположником... рынка при социализме! Впрочем, важно ли это было в тот знаменательный момент? В тот момент, когда Борис Николаевич упрочился в Большой Власти?

А сейчас кратко о том, что автор этих строк понимает под Большой Властью. Тем более что этот феномен – один из центральных в жизни советского общества, и, не учитывая его, понять существо, подноготную перипетий посттоталитарного развития страны совершенно невозможно. Отразилось это явление и на взаимоотношениях М. Горбачева и Б. Ельцина и придало им особую окраску...

Выражение «Большая Власть» означает, что власть не просто сильная и даже не то, что она абсолютная, неограниченная, тотальная, не имеющая никаких преград. Это в буквальном смысле много власти, власть в виде гигантского массива, сосредоточенного в клане чиновничества, образующего целостную систему и охватывающего мертвой хваткой все без остатка общество – от экономики до всех проявлений духовной жизни. В ней, в самой этой огромности власти, – и наша специфика, и наша беда, и наша не очень благоприятная перспектива.

И здесь следует учесть, что как раз в силу своей громадности Большая Власть, конечно же, не может не иметь могучего всесильного центра (в виде единодержавного Вождя, как это было до 1953 года при Сталине, или в виде высшей партийной олигархии – генсека и политбюро, в котором выделялась руководящая группа, приближенная к генсеку в последующее время). Вместе с тем, в силу все той же великости, она не сводится к одному лишь своему центру. За всемогущим центром стоит громадная пирамида нижестоящих партийных центров, местных властвующих партийно-государственных образований – горкомов, обкомов, крайкомов, райкомов республик, областей, районов, возглавляемых своими «первыми».

И вот эти самые «первые», особенно в республиках, областях, краях, представляли собой уникальные, в чем-то поразительные фигуры, выявляющие всю подноготную партийно-советского строя. «Первый» в республике, области, крае – это, в сущности, неограниченный властитель в своем удельном регионе. Какого-либо противовеса ему нет. Но вот парадокс! Сам-то он, в сущности, подчиненное лицо – аппарату ЦК, тем более – политбюро (хотя «первые» по принятому обыкновению входили в высшее коллегиальное образование – пленум ЦК). Это и предопределяет своеобразие фигуры «первого», во многом повлиявшей на политическую жизнь общества и в посттоталитарных условиях, – поразительное сочетание привычки ко всевластию, безропотнос-

ти перед «верхами» и одновременно жажда сбросить с себя это влияние, неодолимое стремление перейти на более высокую ступень Большой Власти, любыми способами удержать, усилить свой статус и перспективу дальнейшего возвышения.

Один штрих, наблюдение, касающееся мира власти тех лет. М. Горбачев многократно говорил о том, что до перестройки он, как генсек, обладал «необъятной властью». Это не совсем так. Генсек действительно мог единолично решать многие вопросы, но в послесталинское время – только до известной меры. Все решения, затрагивающие систему власти в целом, интересы правящей партийной олигархии, ее основных кланов, должны были по неписаным законам вырабатываться вместе со всей руководящей группой, с учетом интересов всех кланов и проводиться через политбюро. Иначе «генерального» ожидала судьба Хрущева: в том или ином виде жесткое отстранение от власти (если, понятно, отбросить иной вариант – возвращение к единодержавным сталинским временам, что, памятуя уроки послеленинского времени, правящая олигархия наверняка не допустила бы).

Если, как известно, власть вообще развращает (абсолютная власть – абсолютно), то Большая Власть, кроме того, образует *поле жесткого притяжения и воздействия, диктующего свои законы поведения*. И это становится решающим обстоятельством в жизни общества, которое во многом – а порой и без каких-либо вариантов – определяет жизнь людей, их поступки, судьбу. И хотя, как попытается показать автор этих строк, на ход общественных событий в условиях перемен оказывали существенное влияние поступки деятелей, продиктованные их внутренним духовным миром, силой интеллекта, человеческими слабостями и порывами, эти же поступки и движения души неизменно несли на себе печать затаенной и бесовской энергетики Большой Власти, ее умолимых императивов.

Б. Ельцин сразу же показал себя как один из наиболее последовательных сторонников решительных реформаторских (как представлялось в то время) действий генсека, более того, как своего рода безотказная ударная сила в их осуществлении.

Не могу однозначно ответить на вопрос, была ли в поступках Б. Ельцина убежденность в необходимости этих перемен или же сказывалась приверженность корпоративным устремлениям. Наверное, и то и другое одновременно. Тем более что в курсе генсека в то время не проявлялось уж очень резких отступлений от существовавших партийно-идеологических канонов. Цель этого курса, пусть и не прописанного в отработанных формулах и в чем-то неопределенного, заключалась в том, чтобы усовершенствовать социализм: вместо казарменного военно-коммунистического построить гуманный демократический, «с человеческим лицом» (идея, с которой всего за несколько лет до этого выступили, а затем жестоко пострадали чехословацкие сотоварищи по коммунистическому движению).

И хотя этот курс уже в 1987–1988 годах получил особое название – «перестройка», все реформаторские новации, по господствующим партийно-идеологическим представлениям, должны были происходить «по Ленину», под лозунгом «Больше социализма!», с целью осуществ-

ления будто бы нэповских мечтаний Ильича, прежде всего победы «цивилизованных кооператоров».

В таком «перестроечном» курсе сохранялось, увы, многое из того, что относится к изначальным и коренным порокам марксистской утопии, особенно в ее ленинско-сталинском варианте. И все же, как это ни удивительно, практическая линия, связанная с политикой перестройки, во многом (как представляется при оценке ее с позиций сегодняшнего дня) могла бы оказаться при последовательном ее проведении весьма перспективной и могла бы привести к формированию слоя свободных собственников – свободных кооператоров, лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, фермеров.

Правда, как это и следовало по логике вещей, основное внимание в это время уделялось государственному сектору. Был издан в общем прогрессивный закон о государственном предприятии, предусматривающий расширение его экономической самостоятельности, нацеленность на производство товаров, возможность признания предприятия неплатежеспособным, усиление функций трудового коллектива.

Но настораживало следующее. И дело не только в том, что закон оставлял предприятия в неустранимой зависимости от ведомств, чиновничьего усмотрения, но еще и в том, что вслед за законом была издана серия совместных постановлений ЦК КПСС и Совмина (кажется, десять или двенадцать) по вопросам хозяйственного управления. В то время я, дотошно делая выписки и заметки, по-студенчески проработал все эти многостраничные руководящие фолианты, призванные, как было объявлено, развить реформу. И, помнится, пришел в ужас: ни один из них ни на один малосенький стандарт пост – секретаря Московского горкома, одновременно оказался пройденным и последний партийный Рубикон: Борис Николаевич вошел – хотя еще и не совсем – в когорту высших партийных иерархов: стал кандидатом в члены политбюро. На очередном пленуме ЦК, который должен был состояться после злополучного октябрьского (1987) пленума, в согласии с тогдашней политбюровской практикой готовился его перевод в полные члены высшего партийного ареопага.

По всему было видно, что Борис Николаевич в ранге секретаря ЦК со всей своей настырной энергией включился в реализацию намеченных перестроечных мероприятий. Какие мысли и намерения обуревали его при этом, сказать трудно. Но с точки зрения «линии», видимо, все было в порядке. Так как вскоре последовало его назначение на весьма высокий по большевистским стандартам пост – секретаря Московского горкома, одновременно оказался пройденным и последний партийный Рубикон: Борис Николаевич вошел – хотя еще и не совсем – в когорту высших партийных иерархов: стал кандидатом в члены политбюро. На очередном пленуме ЦК, который должен был состояться после злополучного октябрьского (1987) пленума, в согласии с тогдашней политбюровской практикой готовился его перевод в полные члены высшего партийного ареопага.

Но на гладкой до этого секретарско-горкомовской дорожке у Б. Ельцина появились первые ухабы, первые и все более нарастающие сбои. Здесь, в Москве, судя по всему, не все получалось так, как хотелось бы, не прошел свердловский вариант молниеносного успеха. Напротив, новый секретарь горкома натолкнулся на жесткую стену неприятия и вражды. Были, понятно, у него и сторонники, которых Борис Николаевич попытался как можно быстрее разместить на ключевых

постах – секретарями райкомов, руководителями отделов горкомовского аппарата.

Но ведь Москва наполовину с лишком – чиновничья, крепко приспособившаяся к бездейственному благоденствию за счет богатств всего Отечества, агрессивная и жесткая в защите своих позиций, намертво спаянная чиновничьей круговой порукой, клановой солидарностью. Тут против любого новшества – штыки. Говорить – говори. Мели, что угодно, про перестройку, но не тронь нашего, святого. Даже быстрые по-ельцински обкомовско-комиссарские разборки «на месте» с управдомами и начальниками цехов стали вдобавок ко всему поводом для серии издевок и язвительных насмешек. Нарастающими волнами такие настроения и оценки докатывались наверх – в секретариат, окружение «генерального»...

С легкой прогулкой по завоеванию Москвы (а спустя несколько лет – и с покорением Чечни) не получилось. Не знаю, как у кого, но, обращаясь к собственным возможным ощущениям (попади я в подобную ситуацию), могу сказать со всей определенностью: для меня такое положение дел обернулось бы отчаянием. Тем более что, по-видимому, обескураживающим для Ельцина было отсутствие явно ожидавшейся мощной поддержки «генерального», от которого, напротив, все более веяло холодком разочарования, несбывшихся ожиданий.

Можно предположить, что во взаимоотношениях М. Горбачева и Б. Ельцина это был самый драматичный период. Именно тогда что-то надломилось, появилась трещина – предвестник последующих событий. Недаром, как стало известно позже, в сентябре – октябре Б. Ельцин настойчиво искал встречи с «генеральным» – «поговорить», «обсудить». А тот уклонялся, отговаривался, ни да ни нет, демонстрируя нарастающее отчуждение, неприятие бывшего сподвижника. Воочию видел потом, как это происходит, скажем, на примере Е. Лигачева, которого Михаил Сергеевич в 1989–1991 годах уже не признавал своим ближайшим соратником, хотя тот продолжал отвечать за большой участок работы; да и на себе после одного из первых решений Комитета конституционного надзора (ККН) испытал тягостное ощущение неприятия-отчуждения, на которое хочется резко отреагировать...

Чужая душа – потемки. Верно сказано: каждый человек – это целая Вселенная, большая часть которой скрыта от глаз, неведома никому. Особенно если не встречаешься с глазу на глаз, не проводишь вместе день, другой, третий, когда в какое-то мгновение вдруг притупляется охранная бдительность души и становятся различимыми отдельные, ранее неведомые черты скрытой от взора постороннего жизни человека, его внутреннего мира.

Это тем более верно в отношении властвующих персон, и наиболее ярко проявилось как раз в советское время, когда сам образ бытия предопределял неотвратимость «двойной жизни»: одной – официальной, а другой – домашней, и когда властвующих персон можно было видеть, пожалуй, только на экранах телевизоров в президиумах заседаний или считающими на трибуне заранее написанный текст, да в толпе сопровождающих на каком-либо показушном «посещении».

В обкомовское время с Борисом Николаевичем мне не довелось встретиться ни разу, хотя после 1985 года бывать в обкоме приходи-

лось частенько: отделы (науки, адморганов) все чаще приглашали «по-советоваться» по правовым вопросам – наконец-то понадобились наши советы! Но с вузовскими работниками, за некоторыми исключениями, «первый» не встречался.

Так что нет у меня решительно никаких данных, подтверждающих или опровергающих его прогрессивно-демократический или какой-то иной настрой, который, кто знает, возможно, у него и был. Но судя по всем без малейшего исключения фактическим данным, действиям, реально произнесенным словам, заявлениям, Б. Ельцин – верный партиец, не отступающий от линии политбюро ни на шаг и потому энергично и без помех идущий по ступенькам партийной иерархии к вершинам Большой Власти.

Могу твердо свидетельствовать – свердловчане искренне гордились своим земляком: самые сильные речи на пленумах, поставлен «на Москву» (он-то даст чванливым москвичам прикурить!). В общем, что без него, нашего Бориса Николаевича, может сделать один Горбачев?

А вот сожаления о потерянном «хозяине области», как мне помнится, не было. В этом отношении больше пришелся по душе поначалу показавшийся безликим преемник Бориса Николаевича Ю. Петров. Не столь красноречивый и резкий в своих акциях, он занялся будничными делами области, решением каких-то текущих дел, одновременно пытаюсь разобраться в перестроечной сумятице (для чего, кстати, на второй день после своего прихода на пост «первого» встретился с ведущими вузовскими гуманитариями, начав встречу со слов: «Помогите понять...»).

Поучительна дальнейшая судьба Юрия Владимировича Петрова, подтверждающая неизменность господствовавших партийных нравов (увы, оказавшихся неизменными и для М. Горбачева). После того как в 1988 году появилась печально-знаменитая статья в «Советской России» ленинградской преподавательницы химии Н. Андреевой, возвестившей о возможности и желательности возвращения большевистской реакции, и резкой отповеди А. Яковлева и М. Горбачева, последний при встрече с Юрием Владимировичем спросил его, что он думает об этой статье. А Петров возьми да и скажи: «Ну, что особенного – плюрализм мнений». Через короткое время Ю. Петров был направлен послом на Кубу. Его место занял заурядный партийный чиновник Бобыкин – бывший «второй» свердловского обкома (и, судя по всему, действительный приверженец старых порядков), тот, которого незадолго до того стремительно обошел Б. Ельцин.

И это все происходило в обстановке, когда Юрий Владимирович не отступал от «линии», а в суровые недели после жестокого для Б. Ельцина октябрьского пленума (об этом рассказ дальше) он, пожалуй единственный, по десятку раз на день выступая на взбудораженных собраниях, смог утихомирить гневные страсти кровно обидевшихся за знатного земляка свердловчан.

И вот итог. В конце 1991 года, когда грянули Беловежское и Алма-Атинское соглашения и власть в Москве уже формально была сосредоточена в руках Б. Ельцина, он при мимолетной встрече со мной доверительно сказал, что пригласит на пост главы президентской администрации Ю. Петрова. На следующий день я улетал в Свердловск и в аэро-

порту встретил Юрия Владимировича, который после своей кубинской эпопеи впервые оказался в родных местах. О предстоящем назначении он ничего не знал. И мы всю дорогу до Свердловска (к «Екатеринбургу» еще не привыкли) проболтали о кубинских делах, о сложных взаимоотношениях М. Горбачева и Б. Ельцина...

Враги

Все произошло неожиданно, во всяком случае для непосвященных. А непосвященной была вся страна, кроме узкого круга властвующих персон.

Шел к концу 1987 год, еще не миновало и двух лет перестройки. И вот накануне празднования 70-летия Великого Октября (жизнь шла по твердым, устоявшимся канонам) состоялся пленум ЦК, посвященный подготовке к юбилею революции.

На следующий день после пленума возникло ощущение тревоги. Из информационного сообщения мало что можно было понять, но у всех у нас, привыкших за советское время читать между строк, не оставалось сомнений в том, что на пленуме произошло что-то непредвиденное, серьезное. В сообщении был приведен длинный перечень выступающих, которые «осудили» выступление Б. Ельцина. Что? Какие выступающие? За что осудили?

Как водится, поползли слухи о предстоящих неприятностях для «нашего Бориса Николаевича».

А может быть, все уляжется? Будет спущено на тормозах? Ан, нет. Сразу же после октябрьских юбилейных торжеств последовал пленум Московского горкома с выступлениями (в немалом числе – бывших секретарей московских райкомов, недавно снятых со своих постов), новыми обвинениями в адрес провинившегося, теперь – конкретными, за какие-то московские прегрешения, за «расправу над кадрами», потом – длинное и, как нередко бывало, не очень ясное, назидательное выступление «генерального», скомканные, тоже не очень ясные оправдательные слова Бориса Николаевича, намеки на его болезнь. А итог твердый, безапелляционный – снять с поста секретаря горкома. Спустя несколько недель состоялся пленум ЦК, на котором была поставлена точка: освободить Б. Ельцина и с поста кандидата в члены политбюро.

Расправа. Беспощадная большевистская расправа. В современном, благопристойном, впрочем, антураже. И вновь тот же вопрос: за что?

Как выяснилось чуть позже, выступление Б. Ельцина на октябрьском пленуме было традиционно резким. Наверное, еще более резким, чем всегда. Что-то наболело в столкновениях с московской бюрократией, с цеховскими секретарями, что-то шло от упомянутого ранее отчаяния, от невозможности сдвинуть чиновничью машину, добиться кардинального решения какой-то проблемы «по-свердловски» – ярко, впечатляюще. Главное же прегрешение – выступление было *не согласованным*, не обговоренным, как водится, с «генеральным», с секрета-

рями, не по теме (тем более что «генеральный» обещал все же встретиться после торжеств, поговорить). Однако было в нем что-то такое, что до сих пор составляет неразгаданную тайну. Чем-то надо было глубоко затронуть М. Горбачева, его ближайшую когорту (может быть, что-то «семейное?»), чтобы «генеральный» так резко отвернулся от своего, казалось бы, самого верного единомышленника.

Я знаю по личным контактам, как жестко реагирует Михаил Сергеевич на обманутые ожидания. Помню, каким непреступно отчужденным стало отношение ко мне М. Горбачева, а вместе с ним и его окружения, когда ККН приостановил указ президента «по Садовому кольцу» – первая за всю историю советского строя реальная и открытая отмена решения, принятого персоной номер один, воспринятая как претензия на то, чтобы хоть в чем-то встать вровень с этим первым лицом.

Со временем я все больше склоняюсь к мысли, что роковую роль в событиях того времени сыграли не мелочи, которые порой действительно ранят значительно сильнее, чем что-то другое (будто бы задел Раису Максимовну, не посчитался с горбачевским советом подождать и пр.), а неприятие ельцинских резких шагов чиновничьей Москвой, что, видимо, сконцентрировалось в позиции секретариата ЦК, возглавляемого Е. Лигачевым. Не исключено, что ключом ко всему является сугубо личная реакция первой персоны – вспыхнувшее у «генерального» настороженно-враждебное отношение к, казалось бы, преданному сподвижнику, который уж слишком круто пошел вверх (было известно, каким невыносимым становился любой деятель, в поведении которого можно было усмотреть возможные претензии на высокий пост).

Вероятнее всего, здесь причин было несколько, в том числе и только что упомянутые. Не исключено, что начали проявляться и жесткие законы партийного отбора, когда более заметную роль начинают играть персональные свойства, в первую очередь отрицательные качества, ограниченность.

А быть может, тут правомерен и более широкий вывод. Не прозвучал ли в эпизоде с Б. Ельциным первый суровый сигнал о том, что перестройка в рамках социализма невозможна, что система коммунистической власти остается всемогущей, способной провести любое решение? И надо было, чтобы провидение выдвинуло на авансцену такого деятеля, который своей яростной, неумной энергией, заведенный на своей личной обиде и ненависти смог все же поколебать непоколебимое.

Если это верно, то тогда легко объясняется тот всенародный протест, который вызвала партийная расправа над Б. Ельциным (наряду с моральной нечистоплотностью такой расправы, когда «хозяином» растаптывается верность наиболее последовательного сподвижника).

Задумывался ли когда-нибудь М. Горбачев о том, с какого момента началось его падение?

Борис Николаевич был сломлен. Жернова партийной расправы, когда послушник низвергался с властных высот в политическое небытие, никогда еще не давали сбоев. Поначалу они с математической точностью

сработали и тут. И, как и во всех других аналогичных случаях, человек был смят, выброшен прочь, низвергнут.

Никак не повлияла на происходящие события волна протестов, прокатившаяся по ряду регионов (особенно активно в Екатеринбурге и Москве), – первая открытая и столь масштабная в советскую пору, да к тому же в пору начавшихся, как казалось, демократических перемен. И даже назначение провинившегося на солидный властный пост – заместителя руководителя союзного Госстроя – было воспринято всеми как подачка: от реальной власти Б. Ельцин был отстранен.

Спустя некоторое время буря вроде бы утихла, во всяком случае внешне. Но было заметно, как вдруг, неожиданно вырос авторитет Бориса Николаевича и одновременно стал меркнуть образ М. Горбачева, закрались сомнения в успехе провозглашенных им перемен. Именно тогда, и сразу во всю силу, проявился эффект завоевания популярности в обстановке обанкротившейся в глазах людей Системы. Достаточно было Системе проявить свою силу, тем более акцией расправы в отношении того или иного человека, как популярность этого человека резко возрастала (аналогичный результат достигался при бескомпромиссной критике Системы – безотказный способ, которым с неизменным успехом пользовались на выборах жаждущие власти).

Впрочем, в то время Б. Ельцин не воспользовался неожиданной удачей, он продолжал находиться в границах принятых в ту пору порядков.

Примечательным в этом отношении было его выступление в конце 1988 года на партийной конференции, куда он был избран, преодолевая сопротивление партийного руководства, по инициативе первичных партийных организаций Екатеринбурга). Выступление было умеренно-жестким, обращенным главным образом против верхушки в высшем партийном аппарате – секретариата, возглавляемого Е. Лигачевым. И в итоге выступления – не требование, а скорее просьба к конференции, весьма умеренная – всего лишь реабилитировать его по партийной линии, т. е. снять обвинения, быть может, восстановить...

Казалось, перелом вот-вот наступит после того, как в начале 1989 года в стране были объявлены свободные выборы в народные депутаты, в обновляемые органы власти. Ведь в ответ на ряд «предложений снизу» Б. Ельцин согласился – явно вопреки позиции партийных инстанций – баллотироваться в народные депутаты и оглушительно победил в большом столичном избирательном округе. В ходе борьбы он будто бы вновь загорелся, активно наступал, громил привилегии. Да и сами по себе выдвижение кандидатом в депутаты, избирательная кампания, победа на выборах, как и выступление на октябрьском пленуме, были прямым вызовом системе коммунистической власти. Небывалая поддержка свергнутого кумира населением, несомненно, могла воодушевить Ельцина, влить новую энергию, дать импульс к решительным действиям.

Этого не случилось. Хотя на открывшемся в мае 1989 года съезде народных депутатов Б. Ельцин был в центре внимания – постоянно окруженный толпой почитателей, корреспондентов, давал интервью, что-то твердо говорил, обличал привилегии, – однако никаких решительных шагов для утверждения своей радикальной позиции, как это выг-

лядело в общественном мнении, не предпринимал. И это всем присутствовавшим на заседании бросалось в глаза, особенно в сопоставлении с резкими, нетрадиционно- жесткими, порой дерзкими выступлениями А. Сахарова, А. Собчака, Г. Попова, С. Станкевича, других деятелей московской депутации – наиболее радикальной и наступательной из всех депутатских групп (вскоре преобразованной в межрегиональную группу).

Обескураживающим для многих был самоотвод Б. Ельцина при выборах председателя съезда. Ведь депутаты (одни – с надеждой, другие – с любопытством) выдвинули его в качестве альтернативы М. Горбачеву, а он отказался от борьбы, да и самоотвод был каким-то вялым, и доводы не очень вразумительными.

После того как скрытые партийные механизмы, по всей видимости, все же сработали и Борис Николаевич не был избран в постоянно действующий Верховный Совет, какой-то осадок – при всех восторгах почитателей Б. Ельцина – оставил сам факт передачи ему места в парламенте А. Казанником. Горькую чашу такого «дара» пришлось испить четыре года спустя, когда в ходе драматических событий октября 1993 года А. Казанник был назначен Б. Ельциным Генеральным прокурором – факт, сам по себе не делающий никому чести. А затем роковой финал всей этой цепи событий: весьма сомнительные действия Генерального прокурора, скоропалительно поддержавшего амнистию участников событий 1991 и 1993 годов, перекрывшего путь к правовым решениям, его смещение и в итоге образование А. Казинником антиельцинской партии.

А Михаил Сергеевич держался победителем. Порой торжествующим. Эдаким отважным капитаном, который, умело маневрируя, с трудом, потерями, но все же твердо ведет государственный корабль сквозь рифы и водовороты крайностей и экстремизма.

При этом не очень-то скрывалось, что маршрут по бурным водам молодой демократии прокладывает партия: до открытия съезда народных депутатов прошел пленум ЦК, состоялось собрание депутатов-коммунистов. Секретари обкомов, другие члены ЦК, деятели цековского аппарата присутствовали на заседаниях съезда, создавая в ходе депутатских выступлений нужный шум, а в перерывах заседаний спускались с антресолей к своим областным депутациям – «посоветоваться». А вот деятели высшей партийной когорты, причастные к политбюро, секретари ЦК – даже те, которые входили в число депутатов и на заседаниях сидели вместе со своими депутатскими группами, – в перерывах разом устремлялись в боковую дверь – в обширную рабочую комнату президиума – на чай-кофе.

Борис Николаевич в эту боковую дверь уже не входил...

У меня создалось впечатление, что после того, как Б. Ельцин стал во главе Комитета Верховного Совета по строительству и архитектуре, М. Горбачев, весь высший партийный эшелон успокоились. Казалось, все в порядке. Вопрос решен. «Борис» снова допущен к власти (до последнего времени было принято, чтобы посты председателей комитетов и комиссий Верховного Совета неизменно занимали высшие партийные чиновники, к тому же это способствовало возвышению советских

представительных учреждений). Так что какая-никакая, а реабилитация Б. Ельцина состоялась.

Перед началом самого первого организационного заседания, на котором как раз происходило избрание председателей комитетов и комиссий, в зале заседаний Верховного Совета, можно было наблюдать такую картину. На самой отдаленной скамейке, расположенной на возвышении за столом президиума, сидят рядышком М. Горбачев и Б. Ельцин. Видимо, это была первая встреча один на один после октябрьского разрыва (хотя, что характерно, не в кабинете «генерального», расположенном рядом, а в зале, как бы мимоходом). Разговаривают негромко, деловито. Больше говорит Михаил Сергеевич. О чем разговор?

Судя по каким-то едва уловимым приметам (скорее, по отсутствию таковых), М. Горбачев говорил примерно так: «Ну, что, Борис, рекомендуем тебя председателем важнейшего комитета. Будем дальше работать. Только ты не горячись, не торопись. Поработаешь председателем комитета, а потом будем решать... Договорились?»

Если это предположение верно, то становятся понятными некоторые последующие события. Одно из них хотя и касается эпизода из личной жизни Бориса Николаевича, но с позиций беспощадных нравов, существовавших в ту пору в партийно-политической среде, могло вновь низвергнуть его в политическое небытие.

Речь идет о случившемся осенью 1989 года происшествии у моста, находящегося рядом с правительственным дачным поселком в районе санатория «Сосны». Тут небезынтересны некоторые детали обсуждения этого происшествия, участником которого довелось быть и мне.

В тот осенний день на заседании сессии Верховного Совета появился после долгого отсутствия Б. Ельцин, сел на свое место в первом ряду рядышком с крошечной Гаер – отчаянной воительницей за права малых народов Севера и Дальнего Востока. На сессии в те дни шла рутинная, но пока еще с романтическим законосозидательным энтузиазмом работа над проектом какого-то закона (кажется, крутились и перекручивались законоположения о посреднической кооперации). Перед самым обеденным перерывом председательствующий М. Горбачев внезапно предложил тотчас же собраться по срочному вопросу членам президиума, куда входили и председатели комитетов и комиссий. А на заседании после краткого вступления председательствующего, в котором говорилось о том, что в последнее время распространились слухи о нападении в Подмоскovie на Бориса Николаевича, слово было дано министру внутренних дел В. Бакатину. И тот, изрядно волнуясь, рассказал, что несколько дней назад поздним вечером в помещение милицкого поста у правительственных дач явился человек в мокрой одежде и пояснил, что на него напали, надели на голову мешок и бросили в реку. Позже выяснилось, что этот человек – Борис Николаевич. Факт нападения, как показало проведенное служебное расследование, не подтвердился (высота моста свыше десяти метров, уровень воды в реке небольшой, Борис Николаевич, приехавший с букетом цветов, просил водителя машины оставить его одного...).

Могло ли это происшествие послужить поводом для новой, теперь уже публичной и окончательной расправы? Наверное, да. Причем не в кулуарно-партийном стиле, а в открыто-публичном. Возможно, для это-

го было бы достаточно подробной публикации обо всем случившемся с показанием милиционеров, водителя. Плюс с трудом произнесенное признание на заседании президиума Б. Ельцина в том, что никакого нападения на него не было (его с большой настойчивостью добивался председательствующий и потребовал, чтобы оно было повторено во всеуслышание на заседании сессии).

Почему такой расправы не произошло? У меня нет другого объяснения, кроме того, что М. Горбачев, как и весь высший партийный эшелон, твердо уверовали: «Борис» уже вне игры, дальнейшего его взлета не будет, и в данном случае задача одна – еще раз поставить бывшего сотоварища на место и милостью к оступившемуся, благородством продемонстрировать, кто есть кто. Возможно, сработали и клановые законы, сообразно которым до поры до времени, до тех пор, пока ослушник остается еще среди «своих» (а Борис Николаевич оставался членом ЦК и в США похвалялся, что никому не отдаст свой партбилет), его за личные огрехи не очень-то секут. Да и вообще в то время, осенью 1989 года, казалось, что все, даже самые драматические процессы замыкаются на официальной власти, проходят по ее законам, и потому Б. Ельцин сколько-нибудь значимой угрозы существующей системе не представляет.

Впрочем, все, быть может, было и совсем не так, и об этом кое-кто говорил открыто. Такое вольное поведение Б. Ельцина воспринималось многими как свидетельство того, что он «наш». Ну и что? Нормально. Ведет себя как настоящий мужик.

Кстати, впоследствии подобные акции людьми, жаждущими власти, стали даже предварительно просчитываться.

С конца осени 1989 года наступило затишье, и продолжалось оно до конца весны следующего года. Но затишье, конечно же, относительное, даже что касается внешней, событийной стороны.

Состоялось два съезда народных депутатов, на одном из них (мартовском) М. Горбачев был избран Президентом СССР – новый институт власти, который и я пропагандировал, и при его обосновании на мартовском съезде ввернул новое выражение – «паралич власти». Безостановочно заседал союзный Верховный Совет. На заседаниях бурлили, вскипали страсти и амбиции при отработке законодательных текстов – порой по самым пустячным вопросам. Выстраивались очереди у микрофонов; тем более что заседания целиком транслировались по телевидению и некоторые депутаты попали в разряд телегероев. Правда, все это было не для Бориса Николаевича. По всему было видно, что после отчаянного, полного драматизма нового восхождения, жарких схваток, бескомпромиссных поединков все это было ему в тягость. Что перед ним – потолок, конец пути, передышка или горбачевское коварство, обман?

Однажды я зашел в помещение его комитета (оно располагалось поначалу, как и помещения других комитетов и комиссий, в люксовых номерах блока гостиницы «Москва», прилегающего к «митинговой» Театральной площади). Он сидел за чистым столом, отрешенно смотрел перед собой в пустом кабинете, вяло отреагировал на переданную

мной просьбу одной из жалобщниц – их было великое множество – принять ее.

Впрочем, осенне-зимнее затишье конца 1989 – начала 1990 года было во многом все же кажущимся, обманчивым, зыбким.

Ведь, что ни говори, несмотря на все, казалось бы, демократические бури, казавшиеся превосходными достижения в законодательстве, первые свободные, весьма привлекательные законы о печати, о собственности, об аренде, законы по кооперативным вопросам, коммунистическая система устояла, главные силы партократической власти лишь отступили, стали менять свой облик, приспосабливаться, а ее основы оказались мало в чем затронутыми. Вступили в действие многочисленные скрытые механизмы, уловки, ловушки, позволившие во многом блокировать парламентскую перспективу изменения системы, ограничить и свести на нет уже принятые законодательные нововведения, а в итоге по-прежнему проводить партийную линию.

Сдается, что в неторопливой, внешне успокоенной обстановке Б. Ельцин не мог по-настоящему найти себя. Отсюда, видимо, и та импульсивность, экстравагантность, которыми была отмечена его поездка в США (и это с подчеркнуто недоброжелательными акцентами было отражено в телевизионном фильме, партийной печати и даже отмечено парламентской комиссией по этике). Да и происшествие у правительственных дач, возможно, имело ту же психологическую подоплеку – несбывшееся ожидание, помноженное на еле сдерживаемое нетерпение и неудовлетворенность, и неожиданное смирение перед все еще торжествующей, вновь оказавшейся незыблемой Системой.

Именно эта кажущаяся незыблемость, устойчивость советской системы власти, ее неуступчивость и изворотливость, способность выдерживать мощный демократический напор оказались тем обстоятельством, которое заставило, как я понимаю, приверженцев основательных демократических перемен сменить ориентиры и даже ужесточить свои намерения («не хотите парламентских нововведений, будем действовать иначе и пойдем дальше»).

Тем более что в такой обстановке упрочила свое положение и особая организационная институция, противостоящая официальной власти. Как уже упоминалось, на основе московской депутатской группы (она в дни первого съезда стала объектом обвинений депутатов из провинции в высокомерии, деструктивности) сформировалась межрегиональная группа, она-то и стала даже не столько возмутителем спокойствия, сколько принципиально новым в советских условиях явлением – официально признанной организационной силой, противостоящей официальной партийно-советской власти. Характерно, что А. Сахаров за несколько дней до ухода из жизни поставил вопрос о преобразовании межрегиональной группы в партию.

В межрегиональной группе, насколько я могу судить, сложилось убеждение, что необходимо пойти на *фактическое овладение властью* и прежде всего на завоевание властных рычагов на тех участках политико-государственной жизни, где сила партократических механизмов не столь значительна, – в местных Советах и в особенности в республиканских институтах власти.

И в это время, весной 1990 года, началась кампания по выборам в местные Советы и республиканские представительные органы – Верховные Советы союзных республик, в том числе РСФСР (России). На ведущие посты – мэров столичных городов, Москвы и Ленинграда, – были выдвинуты видные деятели демократической ориентации Г. Попов и А. Собчак. Самым же значительным было то, что с размахом и бурно началась кампания по избранию в Верховный Совет РСФСР, с явной, нескрываемой нацеленностью на то, чтобы Б. Ельцин занял пост председателя Верховного Совета – пост главы государства, в общем, уже сравнимый с государственным статусом М. Горбачева.

Кто видел Б. Ельцина в те дни, знает, как разом он преобразился: вновь его походка стала твердой и уверенной, в словах – бескомпромиссность, в глазах – огонек.

Скажу еще раз – у меня нет никаких данных, подтверждающих демократические устроения Бориса Николаевича до начала 1990 года; зато есть немало данных, свидетельствующих о том, что он, как и большинство из нас, находился в жестких границах существовавших в то время отношений, особенно при выполнении функций «первого», да и позже. При всем своем противостоянии официальной власти он не выходил за рамки продиктованных Системой правил игры – даже в отстаиваемых взглядах, лексике. Но вот в ходе работы союзного Верховного Совета, а особенно в деятельности межрегиональной группы, сопредседателем которой он стал вместе с видными демократами, прежде всего А. Сахаровым, началось овладение Б. Ельциным демократией. Ничего дурного в этом нет: каждый из нас воспитан советским временем, каждый, без каких-либо исключений, проходил такого рода школу. Однако, как мне представляется, усвоение Б. Ельциным понятий, лексики демократии не привело к формированию побудительной основы для активной наступательной деятельности. В этом, надо полагать, отдавали себе ясный отчет и его сподвижники по межрегиональной группе. Один из активных ее участников рассказывал об отношении А. Сахарова к Б. Ельцину, к его миссии в демократическом движении. Лидер межрегиональчиков говорил о Борисе Николаевиче примерно так: «У нас у всех есть свое дело, на которое каждый из нас может переключиться, – наука, преподавание, искусство. У Ельцина же ничего другого, кроме политического будущего, нет. И он пойдет с нами до конца...»

Словом, Б. Ельцину с учетом его популярности, славы прогрессивного деятеля, борца, отводилась вполне определенная роль. Это роль не духовного сподвижника по мировоззренческим идеям, ценностям, идеалам, а роль ударной силы вождя, способного пойти на основательные преобразования и упорно проводить их.

И такой расклад сил при всей его рассогласованности с формально провозглашаемым статусом и намерениями действующих лиц был верен, оправдан той ситуацией. Сами по себе ценности и идеалы демократии, особенно в обстановке продолжающегося господства Большой Власти, не создавали основы для решительных действий, особенно таких, которые сокрушили бы коммунистическую систему. Неудачи ряда демократических деятелей в осуществлении программ, нацелен-

ных на глубокое преобразование общественной жизни, очевидное тому подтверждение.

Но у Бориса Николаевича мощная побудительная основа для решительных действий уже была. Были уязвленность несправедливым смещением, жгучее стремление реабилитироваться в политической жизни, в мире власти и зрела, наконец, вырастающая из обиды цель – поставить на место тех, кто чинил над ним расправу.

Вместе с тем тягостные дни грозного затишья и приготовления к новой борьбе стали временем демократического самообучения Бориса Николаевича. Тут уместно заметить, что Ельцин довольно быстро показал себя как человек, успешно самообучающийся, нередко схватывающий на лету известные идеи, образы, слова. И пусть все это носило поверхностный характер и имело пределы, а подчас натыкалось на стену непонимания, отторжения и в практической деятельности вообще перекрывалось действиями противоположного свойства, все же успешное овладение Б. Ельциным демократическими образами и лексикой – факт значительный. Факт, ставший беспроегрешной картой.

Весной 1990 года Б. Ельцин был избран депутатом Верховного Совета РСФСР. Борис Николаевич вновь ушел от той полувластной ячейки в политико-государственной жизни общества, которая, как представлялось правящим верхам, была для него с учетом сложившегося положения вещей найдена. Такой поворот событий поначалу, видимо, не вызывал тревоги. Было подсчитано, что большинство эрзсэфзсэровских депутатов – коммунисты, причем в депутаты прорвалось немалое число работников партаппарата, проигравших на выборах на общесоюзном уровне. Так что стратегам из ЦК казалось, что кадровые вопросы в РСФСР будут решаться «как надо». На пост председателя Верховного Совета готовился партийно-хозяйственный чиновник средней руки Власов.

Но в мае, в канун открытия съезда народных депутатов РСФСР, повеяло грозой. Видимо, перспектива нового взлета Б. Ельцина приобрела реальные очертания. Нужно было что-то делать, предпринимать какие-то контрмеры. И эти меры стали осуществляться по партийной линии, как водится, скрытно, по кабинетам, с глазу на глаз. За день-другой до открытия съезда депутатов М. Горбачев пригласил к себе в здание ЦК на Старой площади влиятельных депутатов-партийцев. Встреча, судя по репортажам в печати, не очень-то получилась. Тревога стала более острой. И тогда пришлось идти в открытую – создавать желаемый антиельцинский настрой на самом съезде.

Конечно, это был неверный шаг. Тем более что выступал сам М. Горбачев (значит, есть личный мотив), выступал неудачно, с прямым призывом не верить высший пост в республике Б. Ельцину (значит, опять гонение). По парадоксальной логике, неумолимо действующей в подобных ситуациях, эффект получился обратный: Б. Ельцин в результате такого выступления Президента СССР вернул себе образ несправедливо гонимого и обрел новых сторонников. И, что хотелось бы особо отметить, открытое публичное выступление М. Горбачева против «нашего Бориса Николаевича» перевело всю кризисную ситуацию из области закулисных, в основном подковерных, разборок в плоскость прямой вражды.

А затем вражда между двумя личностями вылилась в борьбу между «двумя Россиями», одну из которых олицетворял М. Горбачев, а другую – Б. Ельцин, в борьбу между СССР и РСФСР. Ключевым моментом стало принятие Верховным Советом РСФСР декларации о суверенитете, которая стала одним из первых звеньев в цепи событий, повлекших в конечном итоге разрушение всей советской имперской государственности.

Один из пунктов декларации, вызвавших особо острую тревогу, гласил: российские законы имеют приоритет (верховенство) над общесоюзными. Я тогда находился в подмосковном санатории, сюда же приехал и Г. Попов, в то время весьма близкий Ельцину человек. Я поделился с ним своими сомнениями. «Вы, – ответил он, – обязательно растолкуйте это Борису Николаевичу». Через несколько дней поздно вечером он позвонил мне, пригласил зайти. В его номере я застал и Б. Ельцина. Увы, разъяснения оказались напрасными, да и я, признаюсь, встретив колюче жесткое неприятие, кажется, утратил свое преподавательское умение «растолковывать». Из нашей беседы он уловил решающий, опорный момент предстоящей суровой борьбы и, парируя мои аргументы, сказал, что верховенство российских законов устанавливается «в рамках нашей Конституции». Той Конституции, положения которой были во многом неопределенными. А спустя некоторое время началась невиданная в истории война законов – предвестник скорого разрушения единой государственности.

В нынешней России 12 июня, день принятия декларации о суверенитете РСФСР, праздник. Ну что ж, праздник так праздник, мало ли их у нас. Но этот же день, если смотреть не него несколько иначе, является днем первой крупной победы Б. Ельцина над М. Горбачевым, отправной датой, с которой начались нарастающие процессы, повлекшие за собой падение первого и возвышение второго и вместе с тем крушение всей, казалось бы, несокрушимой Системы.

И вот тут нужно обратиться к тем слагаемым, которые, вопреки множеству факторов, условий и предпосылок, приводят к подобному результату. Я говорю «приводят», т. к. коль скоро подобные слагаемые наличествуют, успех одних и неуспех других акций становится неотвратимым.

Первое слагаемое, исходная точка или фон всей ситуации, – это несбывшиеся ожидания скорых перемен, разочарование, недовольство людей существующей властью, хотя бы такое, которое существовало в советском обществе в 1990–1991 годах.

А на этом фоне – еще два слагаемых, которые и решают дело. Это, во-первых, гонимый деятель, известный своими радикальными шагами, и, во-вторых, программа радикальных действий этого деятеля, рассчитанная на местные (национальные или региональные – республиканские, областные) интересы. Важно здесь и то, что местные интересы ставятся во главу угла представительным учреждением – Верховным Советом, областной думой – и становятся выражением чаяний народа.

Они становятся столь мощной силой, что перекрывают все иные побудительные мотивы (например, партийную дисциплину: российс-

кую декларацию с воодушевлением поддержали также и многие представители многочисленной коммунистической фракции).

Такой механизм без каких-либо сбоев сработал и в ряде других республик (в частности, в Армении, Грузии) и областей (например, в Свердловской в 1995 году при выборах губернатора области). В ряде случаев ранее гонимые лидеры повторили ельцинские действия чуть ли не под копирку, шаг в шаг.

Небезынтересно, что в таких ситуациях доминирующую роль начинает играть одна из биосоциальных программ поведения людей, определяющая наиболее решительные их поступки, связанные с «территорией», «почвенными» интересами. Однако, как показывает время, эффект, достигаемый в результате срабатывания указанного механизма, оказывается зачастую противоречивым, далеко не всегда имеющим положительное воздействие на ход общественного развития.

Ниспровержение

Людам, хорошо знающим горы, известно: начавшийся снежный обвал остановить невозможно. Возникает он с движения снежной крошки, незаметного снежного ручейка. А вскоре – лавина, стремительно скатывающийся вниз снежно-ледяной вал, сметающий все на своем пути. И никакие меры, отчаянные шаги тут не помогут – начинают действовать непреодолимые силы природы.

Вот такой же нарастающий обвал начался в союзно-советской государственности после объявленного РСФСР «своего суверенитета». И никакие меры – ни военно-жесткие (сначала полутайные в Вильнюсе, Баку, Риге, затем открытые – в августе, в Москве), ни юридико-конституционные (мартовский всесоюзный референдум) – остановить события, накатывающиеся на казавшуюся несокрушимой державу, уже не могли. Потому что и здесь начали действовать силы, подобные природным, – интересы, в основном обостренно-национальные, связанные со своей территорией (в той ситуации – союзных республик).

Остановить такой поток могла, как и в горах, только другая, идущая наперерез лавина, например, широкое движение людей за обретение собственности на средства производства, что сразу могло бы резко улучшить материальное положение многих. Но этого не произошло. Рухнула и моя личная мечта и надежда настроить на все это М. Горбачева. Не помогли несколько предпринятых для этого попыток...

И внимательный взгляд на события уже в конце 1990 – начале 1991 года позволял сказать: конец Советского Союза, имперской государственности, являющейся неотъемлемым звеном всей партократической системы власти, предрешен.

Переломным моментом в цепи надвигающихся грозных событий стало выступление Б. Ельцина на каком-то московском форуме в марте 1991 года, организованном тогдашним московским мэром Г. Поповым (который, по моим личным впечатлениям, был вместе с Г. Бурбулисом своего рода мозговым центром при Ельцине). На этом форуме наряду с оглашением первоочередных экономических задач (например, наделение крестьян землей – мера, увы, не осуществленная ни в то время, ни

позже) Б. Ельцин во всеуслышание объявил о том, что он порывает с Горбачевым и встает на путь действительных реформ в России.

На мой взгляд, это заявление председателя Верховного Совета РСФСР, а по стандартам того времени – главы республики, до сей поры должным образом не оценено. Оно свидетельствовало прежде всего о том, что Б. Ельцин в тот момент преодолел ранее непреодолимую грань, которая в советский период существовала между первым лицом и остальными деятелями. Насколько это непросто и вместе с тем значимо, существенно, знают все, кто следил за событиями, которые привели к выходу советского общества из прежнего партийно-тоталитарного состояния. А. Сахаров, Ю. Афанасьев, Г. Попов, А. Собчак стали радикально действующими лицами лишь после того, как бескомпромиссно порвали с официальной властью, что далеко не просто в психологическом и даже моральном отношении.

Теперь это сделал и Б. Ельцин.

По существу, указанное заявление означало, что Б. Ельцин считает свой пост не уступающим горбачевскому и бросает М. Горбачеву перчатку, «идет на вы». Именно с этого времени, которое, по существу, и было началом ниспровержения М. Горбачева, развернулись действия по *реальному, фактическому овладению Б. Ельциным и его командой властью в государстве*, опорой им служила декларация о суверенитете.

Основываясь на положениях декларации о верховенстве республиканского законодательства, именно в это время были приняты законодательные документы, призванные, не считаясь с общесоюзными установлениями и возможными издержками, привлечь «на сторону РСФСР» население, национальные общности (более высокими пенсиями, реабилитацией репрессированных народов), переключить на РСФСР силовые ведомства, обеспечить сосредоточение в руках республиканских органов основных национальных богатств. На основании этих документов происходило и реальное сосредоточение фактической власти «в руках РСФСР», в частности, путем перехода под юрисдикцию республики, силовых институтов все большего числа государственных предприятий, получающих немалые финансовые и административные послабления и оказывающихся в неконтролируемой среде, когда уже нет планово-командного регулирования, но еще нет и регулирующего воздействия частнособственнического рынка.

Даже сейчас мало кто осознает, что разрушение единого общесоюзного государства началось не с Беловежских соглашений и даже не с августовского путча, а еще раньше – со все большего перехода реальной власти к органам РСФСР. И неизбежность такого результата была обусловлена тем, что СССР представлял собой неразделимый симбиоз общесоюзных структур и структуры одной (только одной!) из республик – РСФСР. Большинство общесоюзных министерств руководило данными организациями через одноименные министерства в союзных республиках, а в РСФСР (где такого республиканского министерства не было) – напрямую. И поэтому, когда «менялась юрисдикция» и на территории России образовывалось свое министерство, а соответствующие организации выходили из общесоюзного ведомства, то объем полномочий последнего урезался и оно, как правило, приходило в упадок.

Стало быть, действительная борьба социальных сил и личностей, столкновение различных социальных тенденций в то время вылились в противоборство «двух России» (одно – в облике СССР, другое – в облике РСФСР). Такое противоборство, при котором возрастание реальной власти в России шло за счет уменьшения и без того ставшей куцей общесоюзной власти со всеми вытекающими отсюда деструктивными последствиями, включая и неизбежное падение власти М. Горбачева.

Понимали ли М. Горбачев, все партийно-государственное руководство Союза, что именно тогда наступила кульминация в решении рокового вопроса: кто кого? Полагаю – да, такое понимание было. Реально я это почувствовал, когда именно в эти дни неожиданно, после многомесячной психологической блокады, вызванной решением ККН, лишившим юридической силы президентский указ по Садовому кольцу, меня пригласил М. Горбачев. И главным в разговоре, кроме сетований на «популистские решения» комитета (а к тому времени было вынесено и решение о недопустимости использования вооруженных сил при решении политических вопросов), было стремление М. Горбачева восстановить доброжелательно-деловые взаимоотношения и еще более – вызвать былую симпатию к себе... Во многом это удалось. Во всяком случае, я внутренне отказался от уже было принятого решения уйти в отставку (деятельность ККН в силу законодательного ограничения его функций, несмотря на ряд решений, никак не соответствовала его наименованию и социальным ожиданиям и оттого превращалась в благообразное прикрытие все еще господствующей партноменклатуры) и до самого крушения Союза поддерживал с Михаилом Сергеевичем деловые контакты.

Ведь, по сути дела, январские кровавые события в Вильнюсе и Риге уже являли собой попытку общесоюзной власти изменить ситуацию (понятно – коварными, изощренными методами, характерными для большевистско-коммунистического режима, увы, затем воспроизведенными и при Ельцине летом – осенью 1994 года при попытках свергнуть дудаевский строй в Чечне). Такого рода попытки стали еще более интенсивными после января, например введение совместных воинско-милицийских патрулей в городах. Вскоре последовало и отчаянное действие – казалось бы, хорошо организованная акция на внеочередном съезде народных депутатов РСФСР по смещению Б. Ельцина с его поста, предпринятая шестеркой его ближайших заместителей и руководителей палат, акция, которая не только не увенчалась успехом, но и укрепила позиции Бориса Николаевича. При этом – совсем уже в пику М. Горбачеву – съездом было принято решение об учреждении поста Президента РСФСР, событие, с которого вслед за «парадом суверенитетов» начался «парад президентов».

Поражением общесоюзной власти закончилась и избирательная кампания по выборам российского президента, когда Ельцину противостояла целая группа довольно авторитетных деятелей (Н. Рыжков, В. Бакатин, А. Тулеев и др.). Вновь – пусть и в несколько иной ипостаси – сработал описанный ранее механизм, когда избиратели голосуют не за то, чего настойчиво добивается власть, теряющая авторитет в обще-

стве, а как раз наоборот. Не потребовался даже второй тур голосования: Б. Ельцин уже в первом туре набрал свыше 50 процентов голосов. Словом, весьма массивные (как видно теперь) антиельцинские акции, проведенные в потаенно-большевистском стиле, стиле заговора и прямого насилия, не дали желаемого результата, более того, обернулись новым мощным взлетом Б. Ельцина.

Можно с достаточной уверенностью предположить, что именно в эти месяцы в психологическом настрое М. Горбачева и Б. Ельцина – чуть ли не синхронно – произошли существенные перемены. Б. Ельцин обрел уверенность в том, что он может низвергнуть своего бывшего патрона, а теперь – врага, и взять в свои руки нити Большой Власти, но еще более существенным было то, что, судя по всему, надломился М. Горбачев, признавший бесплодность попыток устранить из политической жизни Б. Ельцина, смирился со своим поражением и поставил на будущее весьма ограниченную задачу. Эта задача состояла, видимо, в том, чтобы, признав нынешний статус Б. Ельцина, не дать ему развиться дальше и тем самым одновременно предотвратить цепную реакцию (как это случилось с суверенитетом республик) фактического перехода власти из союзного центра в республики.

Именно в эту пору, в апреле 1991 года, в подмосковном Новоогареве начался мучительный процесс по выработке Союзного договора.

Достоин удивления то обстоятельство, что в советском обществе, где происходило тотальное попрание прав человека и реальное положение вещей определялось фактической силой, столь великое значение придавалось формальным юридическим документам и будто бы соответствующим им фактическим реалиям. Ведь до сих пор люди, оправдывающие вооруженно-насильственные действия путчистов в августе 1991 года, обосновывают эти действия стремлением предотвратить заключение Союзного договора, который будто бы вел к распаду единого государства – Советского Союза.

Но правда заключается в том, что распад единой союзной государственности фактически начался с января – апреля 1991 года. И этот процесс приобрел нарастающий, необратимый характер, как только провалились иезуитски изощренные насильственные большевистские попытки удержать его путем заговорщических акций в Тбилиси, Баку, Вильнюсе, Риге, Москве.

И, кстати, следует заметить, что при всем негативном значении «провозглашений республиканского суверенитета», деклараций о независимости и даже действий по фактическому овладению властью в РСФСР и других республиках, главным фактором распада стало исчезновение из всей структуры союзной государственности ее цементирующего стержня – партийно-кагэбистской силовой основы власти, которое происходило в ходе углубляющихся демократических процессов и которое создавало возможности для взрыва этнической государственности, страшной мины, заложенной большевистской идеологией и практикой.

Новоогаревский же союзный договор был и по своему замыслу, и по своей сути попыткой спасения хоть какой-то союзной государственности. Другой вопрос, что эта государственность по всем параметрам была бы урезанной, немощной, не способной поддерживать единый

партийно-государственный монолит и главное – незаидеологизированной властью (что и побудило ортодоксальных коммунистов предпринять отчаянные шаги по ее воссозданию в августе 1991 года). Но, как бы то ни было, целостная государственность в соответствии с Союзным договором сохранялась, и, возможно, это послужило каким-то барьером на пути полного крушения Советского Союза.

А свидетельством того, что утвердилась новая расстановка сил, при которой Б. Ельцин стал вровень с союзным президентом, оказались его новые решительные шаги по утверждению российской власти. Наиболее впечатляющий из таких шагов – принятый в конце июня указ о запрете партийных организаций на государственных предприятиях и в государственных учреждениях.

Суть вопроса здесь вот в чем. Утвердившаяся в Советском Союзе мощная партokratическая власть была мощной не только потому, что имела диктаторский, тиранический характер, но еще и потому, что она была *везде*, во всех проявлениях и закоулках жизни общества, присутствовала на рабочем месте каждого человека, постоянно давала о себе знать, была вот тут, рядышком, в виде местной партийной организации предприятия, учреждения – своего рода щупалец-присосок гигантского партийного организма. Коммунистическая партия, лишившись своих многотысячных звеньев на предприятиях, во многом теряла свою силу. Указ Б. Ельцина, досконально знакомого с тайнами партийного всемогущества, ударял в самый поддых партийной тирании.

Как раз в это время проходил пленум ЦК партии, обсуждавший партийную программу, на которой и началась вакханалия протестов, заявлений, истерических выкриков, подхваченных затем и партийной печатью, сводившихся к тому, что ельцинский указ нарушает... Нарушает – что бы вы думали? – извечную «занозу» коммунистического режима: *права человека*. Да-да, права человека! Права граждан на свободное объединение, в том числе непосредственно на работе. Тут же через председателя Верховного Совета, члена политбюро А. Лукьянова было направлено в ККН требование об отмене указа.

Мне пришлось срочно приехать из Екатеринбурга в Москву. В комитете оказалось немало сторонников немедленного удовлетворения заявленного требования. К счастью (особенно для тех, кто разделял акцию российского президента), для подобного немедленного реагирования существовали формальные препятствия: ККН был органом правосудного профиля и его действия и в этом, и во всех иных случаях были подчинены строгим срокам и процедурам. Поэтому мы, как и положено по закону, ограничились принятием дела к производству и предложением российскому президенту приостановить исполнение оспариваемого указа до вынесения решения.

Я тотчас же поехал в Белый дом, чтобы передать Борису Николаевичу предложение о приостановлении действия указа. Разговор происходил в гигантском кабинете (намного превосходившем по размерам кремлевские апартаменты).

Такого жесткого отчуждения, ледяной реакции на мои слова о принятии ККН дела к производству я со стороны Б. Ельцина больше никогда не встречал (факт симптоматичный: Борис Николаевич набрал

силу). Пожалуй, только то обстоятельство, что прозвучала убежденность в перспективе действительно демократического решения проблемы, позволило завершить разговор в доброжелательно-деловой тональности (хотя предложение приостановить действие указа так и не было принято).

Спустя некоторое время я связался с М. Горбачевым. Он был на своей даче и на мою просьбу принять меня сказал: «Давайте по телефону. Говорите, сколько надо». (Позже я узнал, что в своих апартаментах Михаил Сергеевич никого, кроме, наверное, очень близких лиц, не принимал.) По телефону говорить было трудно, но я все же попытался убедить союзного президента не усложнять ситуацию с перспективой заключения союзного договора и по договоренности с А. Лукьяновым снять требование о российском указе, коль скоро решение вопросов, связанных с общественными объединениями и партиями, относится к республиканской компетенции.

Четкого ответа на этот счет я не получил. Видимо, в то время Михаила Сергеевича обуревали другие мысли. Потому что совершенно неожиданно и вопреки логике разговора он стал подробно, в деталях рассказывать о том, с какой пышностью («как у царя») проходила неделя три тому назад церемония принятия присяги президентом РСФСР, какие еще мероприятия Борис Николаевич хотел было включить в нее («вплоть до орудийного салюта») и как это все же удалось предотвратить.

До самых тревожных дней августовского путча так и не оставляла меня мысль о том, каким образом в обстановке продолжающейся иезуитско-партийной вакханалии протестов и настроений о будто бы грубом нарушении прав человека добиться справедливо-демократического решения по делу о президентском указе, касающемся первичных партийных организаций, решительно взламывающем существующую систему власти.

В конце августа все решилось само собой.

20 августа 1991 года предстояло подписание Союзного договора. И хотя я не был приглашен на эту процедуру (блокада не блокада, но стремление вытолкнуть ККН из официальной жизни ощущалось отчетливо), все же вечером 18 августа прилетел в Москву. Главная цель — уже напрямую поговорить с Михаилом Сергеевичем об указе о партийных организациях, тем более что из Союзного договора вытекала линия на деидеологизацию власти.

Утром 19 августа — ощущение того, что все в мире рухнуло. По дороге в ККН нас обогнали несколько колонн танков, двигавшихся к центру. Государственный переворот? Несомненно. Поразительно, что за полтора месяца до этого при встрече с М. Горбачевым, когда я попытался убедить его отозвать представления о признании неконституционными решения некоторых республик о выводе силовых ведомств из подчинения партийных инстанций и о необходимости ему, как Верховному главнокомандующему, фактически возглавить вооруженные силы, Михаил Сергеевич сказал с усмешкой: «На Хрущева намекаешь? Теперь другое время, не выйдет».

Увы, вышло.

В нашем неказистом помещении ККН оказалось всего пять членов комитета. То, что захват власти ГКЧП произошел в большевистском стиле – решительный, на данный момент беспощадно-крутой, – сомнений не вызывало. Тем не менее нужно было попытаться сказать и свое слово. Наутро 21 августа было назначено пленарное заседание комитета. Половина его членов находилась в союзных республиках, нужно было, чтобы они добрались до столицы, а пока присутствующие выступили с таким заявлением, которое только и мог сделать правосудный орган: по вопросам, свидетельствующим о конституционной несостоятельности гкачепистских акций. Опубликование, пусть и в урезанном виде, этого заявления, единственного исходящего от общесоюзных учреждений, было, как свидетельствовали многие отклики, знаком того, что не все еще потеряно и что у демократии еще есть шансы, перспективы.

Во второй половине дня 19 августа стала известна жесткая антипутчистская позиция Б. Ельцина и его команды, но главное – произошел взрыв поистине народного протеста, уникальный и первый подобного масштаба в нашем отечестве, что было, наверное, одной из ярких и светлых страниц в становлении демократии в России. Эти события перекрыли все другие, они и стали своеобразной точкой отсчета для оценки всего происходящего в эти дни – подчас, увы, без должного учета строгих правовых критериев.

События августа 1991 года сложны и противоречивы. Не менее сложны и противоречивы их интерпретации и оценки. Приходится сожалеть, что так и не состоялся правовой разбор всех фактов и обстоятельств тех дней. Даже политически ориентированный процесс против активных деятелей ГКЧП, уже вступивший в судебную фазу, в 1994 году был под предлогом амнистии поспешно прекращен (хотя надо признать, что продолженный в отношении одного из подсудимых, он, к сожалению, мало что дал для правосудной констатации фактов).

Не касаясь всего комплекса связанных с августовскими событиями наблюдений и проблем, хотелось бы остановиться на двух из них.

Наряду со стремлением решить ряд и иных задач, в том числе – не допустить формирование слоя свободных собственников и отсюда – либерального направления развития экономики, гкачеписты явно стремились к тому, чтобы остановить Б. Ельцина, его стремительный взлет, который вел к разрушению всей системы. Если это так, то, спрашивается, почему М. Горбачев не поддался на их уговоры и не возглавил «чрезвычайщину»? Здесь может быть несколько ответов. Наиболее очевидный из них заключается в том, что Б. Ельцин уже стал символом демократического прогресса и силовое выступление против него грозило неблагоприятными последствиями. Да и легко ли было расстаться со своим детищем, с таким трудом давшимся Союзным договором, который казался якорем спасения?

Кроме того, Б. Ельцин и его команда с самого начала августовских событий выступали под флагом освобождения президента Горбачева, и это явно сработало на авторитет российского руководства.

Но как только стал очевидным провал путча, все изменилось. Довольно ощутимо почувствовали это и мы в ККН. Повсеместно звучащие восторги по поводу того, что был все же общесоюзный орган, от-

крыто заявивший о неприятии путча, вдруг разом прекратились: оказалось, что похвалы достойны одни лишь российские институты и российское руководство. Даже не был поставлен вопрос о корректировке ряда актов, принятых российским руководством (об объявлении еще до суда членов ГКЧП преступниками, о принятии президентом РСФСР функций главнокомандующего всеми вооруженными силами). Ни шага не было сделано к тому, чтобы возобновить прерванный процесс завершения Союзного договора.

Удивила и позиция М. Горбачева. Мне одним из первых довелось увидеть его после возвращения из Фороса. Он пространно, повторяясь, рассказывал о том, как к нему «заявились эти самые», как он их «послал» и прочее, определил некоторые персональные назначения, спрашивал, кто как себя вел. Но ничего не делал для того, чтобы восстановить хотя бы доавгустовское положение вещей – свой статус главы государства, Верховного главнокомандующего (что могло разом изменить всю ситуацию в стране, во всяком случае, предотвратить окончательный развал государства).

А ведь за прошедшие три дня наряду с путчем произошел, в сущности, и контрпереворот: власть как будто бы по логике такого противостояния гэкачепислам и борьбы за освобождение президента СССР перетекла в руки руководства РСФСР, к Б. Ельцину. Это стало очевидным уже во время выступления М. Горбачева на заседании Верховного Совета РСФСР, когда его речь была прервана «для разрядки», и в это время Б. Ельцин подписал указ о прекращении деятельности компартии – источнике и опоре власти в Советском Союзе.

Что сыграло решающую роль в срыве путча? Отсутствие «большевистской воли» у его организаторов? Поразившая их демократическая коррозия, побудившая создавать видимость законности? Взрыв народного сопротивления в Москве? Живое кольцо защитников российского Белого дома, готовых образовать живой щит перед танками? Да, все это повлияло на ход событий. И все же, мне думается, ключевую роль, как и во всех других аналогичных случаях, сыграла армия (да, армия!), позиция основных командующих, военных округов. Что ж, именно в такое критическое время обнажилась сама суть нашего тоталитарно-милитаризованного общества, военизированного государства. Недаром в те жуткие августовские дни чуть ли не основным был вопрос: с кем авиация?

А затем в самых первых числах сентября на последнем съезде народных депутатов под оглушительный грохот пропагандистской кампании о провале «фашистского путча» общесоюзная власть была сведена к какому-то невообразимому минимуму. В выработке соответствующих документов довелось участвовать и мне. Уже в то время я слыл «антисоветчиком», полагавшим, что Советы – твердый оплот партоткретической диктатуры, и потому воспринимал происходящее как добрые перемены.

В М. Горбачеве, который при выработке упомянутых документов сидел рядышком с Б. Ельциным, поражала какая-то полувеселая безучастная отстраненность, порой отрешенность, настроенность на то, чтобы прозвучало решающее слово Бориса Николаевича. Все говорило

о том, что союзный президент смирился. Во всяком случае – внешне.

Сентябрь – декабрь 1991 года – время настороженного выжидания союзной и республиканских властей. Все как будто бы приглядывались к новой ситуации, когда эрэсэфэсэровская Россия фактически прибрала к рукам большую часть власти «союзной России», а ряд союзных республик после путча, некоторые же еще во время него объявили о своем суверенитете. Прибалтийские республики уже были признаны отделившимися. На Украине еще раньше прошел референдум о независимости, в результате которого украинские власти объявили былую Малороссию самостоятельным государством.

Это было странное время. Несмотря на объявленные декларации и референдумы, продолжала существовать единая союзная власть с президентом, правительством, министерствами, комитетами, пусть и убогим, но все же единым парламентом. Да и вообще социально-экономическое сообщество, охватываемое союзным государством, худо-бедно, пусть и по убывающей, так или иначе жило и функционировало.

Впрочем, союзная власть была все же эфемерной, бессильной. Не власть, а мираж власти.

Достаточно было в то время пройти по коридорам кремлевских зданий, заглянуть в кабинеты, часок-другой посидеть на каком-нибудь совещании союзных учреждений, чтобы убедиться в том, что союзная власть лишается остатков жизни. Она еле теплится, но явно угасает. Полупустые коридоры, вялые заседания, пустые решения.

В ККН мы приняли особое заявление. В драматической тональности в нем говорилось о вопиющем несоблюдении союзного законодательства в республиках, о той катастрофе, которая вследствие этого ожидает всех нас. Я напросился на выступление по телевидению, где объявил о том, что завтра в газетах будет опубликован важный документ.

Ни одна газета этот документ не опубликовала.

Довелось мне однажды присутствовать на заседании сформированного в то время Государственного совета – правящего органа, введенного после августовско-сентябрьских событий для прямого участия в государственных делах высших должностных лиц республик «вокруг» союзного президента (на совете в тот момент решался вопрос о создании Исследовательского центра по частному праву). Войдя в зал, когда там завершалось обсуждение предшествующего вопроса, я сразу ощутил напряженно-тяжкую атмосферу заседания. Слова председательствующего М. Горбачева были внутренне неуверенными, даже робкими, его выступления то и дело внезапно и резко прерывал Б. Ельцин: «Опять вы навязываете нам союзное учреждение...» При голосовании все другие президенты в открытую поглядывали на Бориса Николаевича – как-то проголосует он.

Спустя неделю-другую я по какому-то делу был у М. Горбачева и застал его после очередного заседания Госсовета мрачного, еле скрывающего раздражение. «Как я устал от всех этих президентов», – в сердцах сказал он и долго сидел молча, не вступая в разговор. Вяло отреагировал на мой рассказ о смерти и похоронах Ю. Друниной, с которых я только что пришел.

По информации печати, телевидения в октябре – декабре шла тяжелая работа над новым вариантом Союзного договора. Вымучивалась странная конструкция «конфедеративного государства» совсем уже немощной союзной властью. Менялась позиция России – то парафировать, то не парафировать подготовленный текст... Уклонялась от участия в договоре Украина...

Где-то 7–8 декабря Б. Ельцин с одобрения М. Горбачева поехал в Минск. Быть может, каким-то путем удастся привлечь к договору Украину, Кравчука.

И вдруг грянул гром.

8 декабря 1991 года РСФСР, Украина, Белоруссия, как учредители в 1922 году Союза Советских Социалистических Республик, собравшись в правительственной резиденции Беловежской Пуши, постановили СССР распустить, а вместо него образовать СНГ – Союз Независимых Государств.

Союзная государственность – государственность имперского типа – рухнула. Можно ли было остановить или предупредить этот распад?

До августовского путча, очевидно, да, можно, если бы М. Горбачев действовал с опережением, попытался предложить конфедеративный вариант, одновременно обезопасив такого рода перспективу от негативной партийно-кагэбистской реакции, и сам бы пошел на опережающие преобразования в экономике, в собственности.

А вот в августовско-декабрьское время набравшая мощь лавина была уже неостановима. Ведь фактический распад, начавшись весной 1991 года, после августа этого же года, по сути дела, стал свершившимся фактом. Тем более что и в декабре последнее слово сказала опять-таки армия. После «Беловежского сговора» состоялись отдельные встречи М. Горбачева и Б. Ельцина с руководством вооруженных сил. И, как стало известно, армия высказалась за Ельцина.

Слов нет, многие вопросы, возникшие при распаде союзной государственности, – экономические, правовые, демографические, ряд других – впоследствии из-за нерешенности усугубившие многие кризисные процессы, могли получить сравнительно удовлетворительное решение. ККН и в данном случае выступил с развернутым заявлением, в котором попытался показать юридическую несостоятельность такого одномоментного прекращения долго существовавшей государственности (именно одномоментного, а не в виде тщательно отработанного «развода»). Но кто обращал в те дни внимание на подобные заявления? В одной лишь газете, кажется в «Правде», были помещены выдержки из этого документа.

Немало важен и такой момент. Многие, придерживаясь последовательно демократических взглядов, понимали, что при всех минусах распада союзной государственности произошло крушение еще одного (после партии с ее «руководящей ролью») мощного устоя тоталитарного строя. На смену распадающейся союзной государственности все же приходит какое-никакое государственное или полугосударственное образование – СНГ.

Тем не менее скажу еще раз: многие острые вопросы все же могли быть решены. Если бы... Если бы не доминировало, отодвигая все другое, стремление разом и как можно скорее *устранить из политической жизни*

М. Горбачева (а по «линии Бориса Николаевича» – нанести ему окончательное поражение).

Вот такой финал. Путь от верного сподвижника в одной команде до ниспровергателя былого непререкаемого «генерального». Драма. Драма шекспировского уровня.

22 декабря в Алма-Ате состоялась встреча уже не трех, а одиннадцати республик. Принятое на этой встрече решение о «прекращении» СССР и образовании СНГ приобрело достаточное юридическое основание. М. Горбачеву было определено ежемесячное оскорбительно убогое содержание в размере 4 тысяч рублей.

Он обратился с просьбой к Б. Ельцину образовать Фонд Горбачева. Борис Николаевич согласился не сразу, потребовал документы, предложение было откорректировано, урезано.

Вскоре был спущен красный флаг, долгие годы развевавшийся над Кремлем. Б. Ельцин со своим аппаратом, не мешкая, занял кабинет и все другие кремлевские помещения смещенного союзного президента.

Теперь об одном обобщающем предположении, которое имеет характер гипотезы и, по-видимому, будет воспринято как парадоксальное.

Его суть заключается в том, что по многим данным советская огосударствленная тоталитарная экономико-социальная система должна была под напором демократических преобразований *все же устоять*. Понятно, в каком-то обновленном, отреформированном виде, приближенном к китайскому варианту, с известными элементами стабилизации, роста и даже современной модернизации. И все же – устоять, сохранить свою идеолого-огосударственную, азиатско-коммунократическую суть.

Правда, за время перестроечных перемен, происходящих с 1985 года, в советском обществе выросли и утвердились известные демократические силы. Но, смею утверждать, они как таковые, т. е. взятые сами по себе, особенно в первые фазы перемен, не были способны противостоять партийно-кагэбистскому монстру.

Ведь чудовищная сила советской политической системы заключалась не только в беспрецедентных по могуществу карательно-репрессивных и идеологических учреждениях, в ряде других зримых проявлениях советского тоталитаризма, но и в том, что основа, стержень политической системы находились за пределами закона, вне зоны влияния парламентско-представительных институтов, какого-либо регламентирующего правового воздействия и одновременно глубоко входили в социальную жизнь, в самую толщу ее (потому-то многие ее составляющие мгновенно вернулись, как только под флагом «возмездия» началась вторая военная акция в Чечне).

До сих пор почему-то мало обращается внимание на связанную с этим ключевую особенность советского тоталитарного режима. Особенность, состоящую в том, что властно-руководящая деятельность партии не регламентировалась в правовом порядке. Эта деятельность, подкрепленная конституционной записью о «руководящей и направляющей» роли партии, в реальной действительности находилась за законом, вне его, напрямую утверждалась в социальной жизни.

И вместе с тем партийные учреждения, особенно высших эшелонов партийной иерархии, минуя официальные органы власти – Советы, моно-

польно командовали самой сердцевинной императивно-государственной власти – карательно-репрессивными органами, вооруженными силами, да и в целом всем бюрократическим чиновничьим аппаратом. Этот стержень неправовой и вместе с тем безропотно-могущественной власти, тысячами корешков укоренившийся в самой толще социальной жизни, продолжал действовать и после перестроечных реформ, когда шумели, вскипали противоборством страсти при законоподготовительных работах, создавая впечатление перехода власти от партии к Советам, в обновленные Верховные Советы СССР и республик, другие представительные инстанции. Сокрушить политическую систему, имеющую подобный внеправовой железобетонный стержень, вросший в саму социальную жизнь, нормальными демократическими правовыми методами было невозможно.

В обоснование этого хотелось бы еще раз сказать о том, что сами по себе современные демократические и правовые институты, построенные на началах согласия, мира, уступок, доброй воли и сориентированные на высокие принципы морали, не обладают «убойной» силой и, отличаясь известной мягкостью, даже расслабленностью, не способны сокрушить такие уникальные цитадели авторитарной власти, как советская партийно-кагэбистская структура (и ее социальная подпочва). Во всяком случае, не способны сделать это за исторически короткий срок, исторически одномоментно, так сказать, в революционном порядке (хотя должен заметить, что подобные одномоментно революционные акции по тем же, ранее упомянутым причинам чреваты другими немалыми бедами).

Почему же, спрашивается тогда, все же удалось в исторически краткий миг, всего за 2–3 года, сокрушить основные цитадели советско-партократической власти – саму правящую партию, имперскую государственность, Советы?

И вот тут я предлагаю на суд всех, кто познакомится с этими строками, упомянутый ранее вывод-предположение. Он заключается в том, что к сложным, противоречивым объективным процессам, предопределенным логикой Истории, процессам неминуемого разрушения тоталитарно-репрессивного общества и перехода к либеральной цивилизации *присоединилась во взаимодействии и во взаимном стимулировании с демократическими силами мощная, напористая деятельность лидера, основанная на внутреннем духовном мире его страстей и порывов.*

Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что если бы не причудливо-сложная борьба М. Горбачева и Б. Ельцина, породившая у последнего мощные страстные импульсы, соединившиеся с демократическими, подчас спонтанными действиями народных масс, быстрого и необратимого разрушения советско-партократической системы *не произошло бы.* И в Советском Союзе, по всей видимости, при таком развитии событий, возможно, восторжествовало бы что-то вроде китайского пути – утвердился бы особый, чуть европеизированный коммуно-азиатский вариант государственного капитализма.

Можно, разумеется, назвать те эмоции, душевные движения, которые лежали в основе такого рода деятельности: от обиды и стремления реабилитироваться – до личной ненависти, глубокой вражды. Но это все же нормальные, стандартные человеческие чувства, которые, как свидетельствует наш житейский опыт, не порождают такую всесокрушающую энергию,

которая и поступки человека определяет, и заражает активной силой окружающих, да так, что падают, казалось бы, неприступные цитадели.

Так что суть дела – в другом. В том, что *события, связанные с взаимоотношениями М. Горбачева и Б. Ельцина, происходили в той зоне «активности и возмущения», которая существует в атмосфере Большой Власти, уходящей к тому же своими корнями в самые недра социальной жизни.*

Человек, отдававший зелье Большой Власти, становится ее пленником навсегда (в сущности, не знает исключений ситуация, когда человек, оставивший крупный пост в этой пленительной среде, вновь и вновь не стремился бы обрести его).

И сокровенная тайна сложных порывов и импульсов к деятельности состоит здесь не только в том, что в упомянутой зоне возникает неодолимая тяга к власти (вещь очевидная, тривиальная), но и в том, что атмосфера Большой Власти искажает, придает новый облик всем другим переживаниям и душевным движениям – одни притупляет, другим определяет новую направленность, третьим (как это и произошло у Б. Ельцина) *сообщает невиданную по мощи испепеляющую всесокрушающую силу.*

Широко распространено мнение, что М. Горбачев предал партию, разрушил Советский Союз и поэтому именно он виновник всех бед, обрушившихся на страну. По моим наблюдениям, с особой яростью говорят об этом бывшие сподвижники «генерального», его бывшие верные подчиненные: теперь оказывается возможным безбоязненно отыгаться за прошлое безропотное послушание.

Могу твердо заверить – упомянутое широко распространенное мнение ошибочно. Михаил Сергеевич до последнего держался за партию и союзную государственность. Мне самому довелось слышать от него слова, сказанные в узком кругу, о том, что он немедленно покинет свой пост, если не удастся сохранить партию и Советский Союз (в общем-то именно так и получилось).

О «вине» политических деятелей в той ультрасложной обстановке, которая характерна для гигантского слома, обвала, происходившего в Советском Союзе, нужно говорить с великой осторожностью. И если в отношении М. Горбачева это допустимо, то уязвимость его поступков следует видеть в другой плоскости, а не в той, о которой ведут речь ортодоксальные коммунисты.

Дело не только в опрометчивых шагах М. Горбачева, когда каждое действие против Б. Ельцина в конечном счете оборачивалось в пользу последнего, порой неведомым образом приносило ему все новые очки. Особенно если такого рода действия носили силовой, нацеленно дискредитирующий характер. Тут нет никакой мистики – обычный парадокс для ситуации нарастающего обвала, о которой уже говорилось. И трудно сказать, какой вариант поступков тут предпочтительней. Активно сопротивляться разворачивающимся процессам или пустить все на волю волн. Так бывает с болезнью: если грипп не лечить, он длится неделю, если лечить – семь дней...

Промаш Михаила Сергеевича, как мне представляется, в другом. У него все же был шанс еще в 1990 – начале 1991-го противопоставить тому обвалу, который имел ореол радикального демократического движения, не менее мощный демократический поток, который бы вовлек многие слои населения, о чем еще в то время мне довелось направлять записки с соответ-

ствующими предложениями. Это *проведение такой приватизации, которая бы включила в отношения собственности большинство трудового населения, а в сфере государственности – опережающая инициатива по переходу к построению Союза на конфедеративной основе*. До сих пор считаю, что это было единственным средством спасения Союза, к нему все равно пришлось перейти, но в мае – июне 1991 года, тогда, когда время ушло и было уже поздно.

Понятно, консервативно-партийные силы оказали бы по всем этим вопросам жесткое сопротивление. Еще весной 1990 года мы вместе с Е. Примаковым, тогда одним из руководителей союзного Верховного Совета, подготовили проект президентского указа о признании суверенной государственности республик. Через несколько дней на одном из рабочих совещаний А. Лукьянов вскользь, среди прочего высказался о «безответственных предложениях по реформированию Союза», которые «осуждает политбюро ЦК».

Но у союзного президента, в то время еще и генерального секретаря партии, было все же достаточно возможностей для того, чтобы локализовать и блокировать действия консервативно-партийных кругов, не проявив он того благодушия и самоуспокоенности, которые были заметны у М. Горбачева летом 1991-го и которые стали одной из предпосылок, сделавших возможным августовский путч.

Пожалуй, сокрушение ряда важнейших устоев тоталитаризма во второй половине 1991 года (партии, имперской государственности) довольно точно попадет под признаки революции или, если угодно, переворота, той революции или того переворота, которые бы – скажу еще раз – *без яростного наступательного напора Б. Ельцина не состоялись бы*. При нашем былом преклонении перед всякого рода революциями, завоеваниями и захватами власти можно было бы с восторгом говорить о свершившейся в то время антитоталитарной и антиимперской революции (а потом, уже в октябре 1993 года, еще об одном ее этапе – десоветизации власти).

Но если это верно, то верным должно быть признано и другое. Как и во все времена, события, произошедшие в Советском Союзе, а затем – в России в 1991 году, несут с собой все то отрицательное, разрушительное, что характерно для любой революции.

В чем здесь суть вопроса?

С точки зрения накопленных к нынешнему времени данных, существующих сейчас гуманистических и моральных критериев вполне обоснованно утверждать, что революция – это зло. Наверное, зло – абсолютное. Сокрушая ненавистные институты, связанные с прежней властью, революция несет с собой три страшные беды.

Во-первых, революция – всегда насилие; она всегда сопряжена с насильственным устранением тех или иных лиц от власти, ликвидацией определенных властных учреждений, принуждением известных лиц помимо их воли к произвольно диктуемому поведению, лишением свободы, физическим уничтожением людей.

Во-вторых, революция – всегда ситуация безвластия, стихии; она во всех случаях на определенный период, нередко весьма длительный, полностью или частично оставляет общество без официальной, общепризнанной власти, и это открывает простор для господства анархии.

В-третьих, революция – всегда попрание права; она при самых благородных устремлениях организаторов революционных акций отступает от норм действующего права и это (даже при самых отрицательных оценках таких норм) создает общую обстановку беззакония, ставит на первое место в практическом действовании целесообразность и мотивы.

В действиях Б. Ельцина и его сподвижников по фактическому овладению властью, довольно наглядно проступают приметы революции, ее страшных бед. Сюда нужно добавить и то, что в возникающих в этой связи сложных процессах дают о себе знать и черты действующих лиц, поднаторевших в партийных противоборствах.

А беды революции, в том числе и той, которую можно было бы назвать антитоталитарной, антиимперской, не зря называют страшными. Они имеют длящийся характер, накладывают печать и на будущее, – в частности, в обстановке неустоявшейся власти получают оправдание и акты прямого насилия, и попрание права.

Увы, именно с таким «заделом» Россия в самом конце 1991 – начале 1992 года вступила в эпоху, как казалось в то время, кардинальных демократических реформ.

В те теперь уже далекие годы последствия рассказанных событий еще были неведомы. А теперь я отчетливо вижу – все, буквально все, что происходит в нашей стране в нынешнее время, было уже заложено как неизбежная тенденция драматических событий, связанных с именами М. Горбачева и Б. Ельцина.

Вместо послесловия

К юбилею Михаила Сергеевича Горбачева¹

Недавние дни отмечены юбилеем Михаила Сергеевича Горбачева. И неожиданно оказалось, что планка благородства в нашем обществе осталась высокой. Большинство наших сограждан, несмотря на все беды нынешней поры и пропаганду прошлых лет, отдают должное человеку, по моему убеждению, одному из крупнейших отечественных реформаторов, нашедшему силы и мужество на деле приступить к, казалось бы, невозможному. К возвращению страны из несокрушимой цитадели большевистского тоталитаризма в современный цивилизованный мир. Мир свободы и благополучия человека.

Жаль только, что добрые слова приветствий в адрес юбиляра не нашли продолжения в основательном и честном анализе реальных дел и процессов того времени, названного перестройкой. Дел и процессов – противоречивых, неуверенных, не всегда оправданных, блокируемых с разных сторон, но все же – знаменательных. В особенности когда к ним в непостижимо сложных условиях укорененной коммунистической партийно-кагэбистской системы и вездесущей бюрократии был привлечен интеллект страны (что состоялось в корпусе народных депутатов конца 1980-х годов).

И это не только гласность – дело воистину великое, но и первые шаги разгосударствления собственности и реальной приватизации непосред-

¹ Статья опубликована в «Общей газете» (2001. № 10. 8–10 марта) под названием «Возвращение к перестройке. Послесловие к юбилею». Воспроизводится по рукописи.

ственно в производстве. А главное – общий курс на благополучие человека, на то, чтобы в обществе торжествовало право как незаменимая общечеловеческая ценность. Именно в те годы наша страна, продемонстрировав приверженность критериям неотъемлемых прав человека, стала выходить на передовые рубежи мировой правовой культуры. На то, чтобы, при всех рецидивах коммунистических нравов в Тбилиси, Баку, Вильнюсе, Риге, исключить применение вооруженной силы при решении внутрисударственных проблем.

Конечно, нужно видеть, что эти дела и процессы оказались вскоре заслоненными (в чем-то, увы, намеренно дискредитированными) трагическими событиями 1991-го и последующих лет. Тех лет, когда ценой отстранения М.С. Горбачева от власти стал стремительный распад единого государства, а в экономических и иных реформах, при всех их действительных и просто рекламируемых плюсах, немало того, что несет в себе гены большевизма, показухи, расчета на силовое решение проблем. Вплоть до применения в области государственной жизни методов войны с применением тяжелого вооружения регулярной армии – танковый расстрел непокорного парламента и обе чеченские войны тому свидетельство.

Но именно потому, что результаты реформы последнего десятилетия оказались для большинства людей весьма скромными, для многих и всей страны непомерно тяжкими, есть убедительные основания для того, чтобы *вернуться к перестройке*. Вернуться, понятно, не к состоянию экономики и жизни людей, порожденных семидесятилетним коммунистическим господством и наступившим вслед за тем развалом. Не к колебаниям, нерешительности, бесконечным уступкам носителям чиновничьей изворотливости и репрессивной силы. И, конечно же, не к догматическим постулатам, фразам, «измам».

Вернуться к идеям и ценностям, которые у нас в своем истинном значении только и могли утвердиться как непосредственная реакция на соблазны, коварство и ужасы тоталитарного строя. И статья, как это и впрямь происходило в обстановке перестройки, результатом трудного поиска, первых проб, ошибок, находок, понимания вечных и простых истин нашего времени.

В том числе – вернуться к пониманию частной собственности как мощного созидательного стимула и ответственности. А не к восприятию ее в одних лишь «знаковых формах» – продукта высоких стадий развитого капитализма, открывших в наших условиях простор для разбойничьего рынка и неობольшевизма – силовых схваток за собственность, номенклатурного и олигархического господства, своеволия...

Разумеется, вернуться к Человеку, к нацеленности всего нашего бытия на его благополучие, высокое достоинство. А не оставаться в ситуации державности, провоцирования инстинктов имперского народа, настроений подданного – сладостного «винтика» великой державы с нравами былой колониальной империи. И отсюда – допустимость использования методов войны при решении внутрисударственных проблем, уничтожения людей, без суда объявляемых террористами, бандитами.

И, значит, в конце концов все же вернуться к процессам, ведущим к верховенству права как высшей гуманитарной ценности. А не сводить, как и в прошлые времена, все многосложные правовые проблемы к «дисциплине и порядку», борьбе с преступностью, да к «независимому суду» –

принципу, которому при господстве всемогущей прокуратуры – «государева ока» и отсутствии юридических кадров высшего класса и иных компонентов современного правопорядка, состояться не дано.

...Нет слов, возвращение к перестройке – всего лишь образ. В реальной сегодняшней жизни – все сложнее, поскольку речь идет о только что упомянутых идеях и ценностях. Но если мы сохраним рожденные перестройкой идеи и ценности, утвердимся в них и в нынешнюю пору, и, дай бог, они подвигнут нас на поступки и реальные дела – это уже много. Из-за чего стоит жить и не терять надежду.

В. А. Мазур

ПЕРВЫЙ ПРОРЕКТОР УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

4 апреля 1933 года на стол директора Уральского университета Н. А. Дербукова лег любопытный документ. Студенты 2 курса физико-математического факультета ходатайствовали о премировании профессора кафедры геометрии Николая Порфирьевича Горина «за... умелую организацию работы со студентами, помощь отстающим, за дополнительные вечерние занятия, дифференцированный, педагогически выдержанный товарищеский подход к каждому студенту». К середине 30-х годов уже нескольким поколениям учащихся вузов Екатеринбурга – Свердловска было известно, что Николай Порфирьевич владеет даром внедрять математические премудрости даже в самые чугунные головы. Написанный им «Курс теоретической механики» весьма помог студентам-механикам Уральского университета, а затем и Уральского политехнического института. Велик был авторитет Николая Порфирьевича и среди коллег. Многим был памятен блестящий доклад о неевклидовой геометрии, который прочитал в декабре 1917 года на заседании Уральского общества любителей естествознания молодой ассистент кафедры высшей математики Уральского горного института Горин. Оригинальностью отличались и его работы в области теории нелинейных дифференциальных уравнений.

При выборах правления Уральского университета в ноябре 1921 года 29-летний профессор Горин набрал наибольшее число голосов: 62 – за, 6 – против. Даже у ректора Дидковского результаты голосования были хуже: 50 – за, 19 – против. За первые пять труднейших лет жизни Уральский университет сменил пять ректоров. Проректором по учебной работе неизменно оставался Николай Порфирьевич Горин. Круг его обязанностей был необъятно широк: от поиска оптимальной структуры учебных подразделений до редактирования журнала «Известия Уральского государственного университета», в котором Горин печатал свои статьи. Стараясь сохранить для университета ценного научного работника, Николай Порфирьевич не утратился в октябре 1923 года ходатайствовать о взятии на поруки несправедливо обвиненного в шпионаже профессора геологии Модеста Онисимовича Клера. Шаг тем более смелый, если знать, что к самому Горину у советской власти также могли возникнуть претензии. 31 октября 1917 года член губернского комитета партии левых эсеров, представитель 124-го пехотного запасного полка прапорщик Горин на заседании Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов воздержался от голосования по вопросу о власти, заявив, что большевики, захватившие в лице Советов власть, оказались неспособными ее осуществлять. Правда, в декабре 1917 года левые эсеры Екатеринбурга уже сотрудничали с большевиками. Благодаря их совместным усилиям 19 декабря 1917 года Николай Порфирьевич Горин оказался на посту товарища председателя Екатеринбургской городской думы. Вместе с большевиками он покинул Екатеринбург в июле 1918 года, вместе с ними вернулся зимой 1920-го. Своего эсеровско-